

Евгений Деменок

По одесским следам Бурлюков

21 июля 2012 года любители современного искусства во всем мире отмечали юбилей. Исполнилось 130 лет со дня рождения «отца русского футуризма» Давида Бурлюка.

Масштаб личности Давида Давидовича Бурлюка становится все более очевидным сквозь призму прошедших лет. Наверное, из работавших в Одессе художников рядом с Василием Кандинским можно поставить только Бурлюка – как по масштабу личности, так и по влиянию на развитие искусства XX века. В последнее время интерес к «отцу русского футуризма» (кстати, он так он себя величал и на обложках выпускаемых им с женой Марией Никифоровной в Америке журналов «Color&Rhyme») неуклонно возрастает. Его работы устанавливают на аукционах все новые и новые ценовые рекорды; о нем пишут статьи, монографии, книги.

Только за несколько последних лет вышли прекрасные книги Ноберта Евдаева «Давид Бурлюк в Америке», тот же Евдаев в соавторстве с японским переводчиком Бурлюка Акира Судзуки стали авторами книги «Огасавара в бытность Д. Бурлюка и В. Фиалы» – она вышла в 2006 году в Нью-Йорке на японском и русском языках. Украинец Александр Капитоненко, руководитель Фонда Давида Бурлюка в Симферополе, совместно с Т. Фудзии и А. Судзуки написал книгу «Ошима в бытность Д. Бурлюка» – она вышла в 2005 году в Японии, а в 2007 году в Украине также на японском и русском языках. Андрей Крусанов в своем великолепном четырехтомнике «Русский футуризм» пишет о Бурлюке чуть ли не на каждой странице. А в Тамбове весной этого года вышла книга «Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова».

В общем, найдено и описано очень многое. И все же... Я хочу попробовать посмотреть на его жизнь с «одесской» точки зрения. Причем пойти по одесским следам не только Давида, а почти всего бурного и талантливого семейства Бурлюков. Ведь в этой большой семье к искусству были причастны почти все. Владимир стал известным художником, Давид – великим художником и поэтом, открывшим новые страницы в истории русской – и не только – живописи и литературы. Николай также стал известным поэтом.

Сестры не отставали от братьев. Людмила была одной из первых женщин, поступивших в Академию художеств в Санкт-Петербурге, и в первом десятилетии прошлого века ее работы экспонировались на множестве выставок от Петербурга до Одессы. Надежда также пробовала себя в искусстве, и небезуспешно, – широко известен и неоднократно репродуцирован графический силуэт Велимира Хлебникова ее работы. Младшая сестра Марианна – она была младше Давида на целых шестнадцать лет – была, как он писал, «певицей-дилетанткой», и активно помогала Давиду Давидовичу в его «Сибирском турне», выступая с чтением стихов Маяковского, Каменского, Хлебникова и других поэтов-футуристов.

Более того – мать большого семейства Людмила Иосифовна также много лет посвятила живописи и также была участником множества выставок по всей России.

Это кажется поразительным – как в одной семье, причем семье из провинции, могли вырасти люди, оказавшие колоссальное влияние на развитие искусства не только российского, но мирового?

Бенедикт Лившиц, родившийся в Одессе и познакомившийся с Бурлюками зимой 1911 года, в своей легендарной книге «Полутораглазый стрелец» отдавал приоритет в приобщении детей к искусству именно Людмиле Иосифовне: «Людмила Иосифовна обладала некоторыми художественными способностями: дети унаследовали, несомненно, от матери ее живописное дарование». И все же без необычайного таланта и энергии самого Давида Давидовича невозможно представить себе активное приобщение братьев и сестер к искусству.

С нашим городом так или иначе связаны шестеро Бурлюков – почти вся семья. Давид Давидович учился в Одесском художественном училище дважды и в 1911 году получил диплом; он неоднократно участвовал в выставках, организуемых в Одессе Товариществом южнорусских художников, а также в обоих «Салонах» Владимира Издебского; в 1914-м вместе с Владимиром Маяковским, Василием Каменским и Петром Пильским дважды выступал в Русском театре во время турне кубофутуристов; среди его друзей было множество одесситов – Исаак Бродский, Бенедикт Лившиц, Владимир Баранов-Россине, Митрофан Греков, который был известен тогда под своей настоящей фамилией Мартыщенко... Его работа «Одесса (Порт)», написанная в 1911 году, стала знаковой – сам Бурлюк много раз исполнял различные варианты картины и неоднократно репродуцировал ее в своем журнале «Color&Rhyme».

Владимир Бурлюк учился вместе с братом в ОХУ в 1910-11 годах, его работы были представлены на «XVII выставке картин Товарищества южнорусских художников», состоявшейся в октябре 1906 года, а также на обоих «Салонах» Издебского, где вызвали значительный резонанс.

Людмила Бурлюк – старшая из сестер – экспонировала свои работы на двух выставках ТЮРХ – XVII-й и XVIII-й, состоявшихся соответственно осенью 1906 и 1907 годов. Согласно каталогу, на XVII-й выставке Владимир выставил один этюд, Давид – шесть, а Людмила – четыре этюда. На следующей выставке Давид и Людмила выставились уже без Владимира.

Надежда Бурлюк – средняя из сестер – тоже отметилась в Одессе. Ее рисунки (Надежде тогда было двенадцать лет) были выставлены в отделе детских рисунков второго «Салона» Издебского.

Мать семейства Людмила Иосифовна принимала участие в обоих «Салонах» Владимира Издебского – ее работы были выставлены вместе с работами знаменитых сыновей.

Николай Бурлюк – единственный из всей семьи, кто попал в наш город по делам, никак не связанным с искусством. В 1918-19 годах он служил в Одессе в радиодивизионе, причем сначала в войсках, подчиненных гетману Скоропадскому, затем у Петлю-

ры, потом у белых, а затем при Красной Армии. И все это на протяжении полугода. После радиодивизиона он переходит на службу в морскую пограничную стражу. Наконец в июне 1919 года он демобилизуется и уезжает в Херсон. О трагической судьбе Николая Бурлюка я расскажу немного позже.

Итак, шестеро из семейства Бурлюков оставили свой след в Одессе. Но, конечно, первый, главный, незабываемый – след Давида Давидовича. Я хочу рассказать о нем, о его одесских днях – хотя каких днях, это были месяцы жизни и плодотворной работы – подробнее, по ходу рассказывая и об остальных Бурлюках.

«Отец русского футуризма» и Одесское художественное училище

Родившийся 8 июля (по старому стилю) 1882 года на хуторе Семиратовщина Херсонской губернии «полтораглазый стрелец» всегда привлекал к себе внимание. Он не только был в центре событий пришедшего в Россию нового направления в искусстве (практически во всех видах искусств, позволю себе заметить), но и сам, собственно, импортировал, принес это искусство в бывшую империю. Причем не просто принес – трансформировал, изменил, «обрусил». Саму свою жизнь отец русского футуризма превратил в художественный акт, старательно документируя все значимые для себя – и, что самое важное, для российской, да и для мировой культуры в целом – события, встречи, выставки, поездки, выступления. Давид Давидович Бурлюк осознавал важность тех событий, в гуще которых находился, в которых участвовал, а чаще всего – создавал, и также осознавал важность тщательного их документирования. Собственно, это началось с детства и всегда шло рука об руку с рисованием – «я стал пунктуально вести дневник и попеременно с записями делал рисунки».

В основном именно благодаря воспоминаниям самого Давида Давидовича мы можем сегодня восстановить события тех лет.

В 1994 году издательство «Пушкинский фонд» в Санкт-Петербурге наконец опубликовало рукопись Давида Бурлюка

«Фрагменты из воспоминаний футуриста», присланную автором для публикации в СССР еще в 30-е годы. Вот что Бурлюк пишет о самом первом знакомстве с Одессой:

«1902 год, однако я уже учился в Одесском художественном училище: Преображенская, 25 (автор ошибся – он учился в Одессе в 1900-1901 годах. – Е. Д.). Лето 1902 года было для меня «историческим». Я начал писать красками – запоем. Мой отец Давид Федорович нашел хорошую службу управляющего в имении «Золотая Балка» Святополка-Мирского. <...> Отец дал мне сто рублей: я поехал в Одессу и вернулся в «Золотую Балку» на берег Днепра с целой корзинкой прекрасных красок. Теперь ночной сторож будил меня, когда начинали тускнеть очи украинских звезд, когда над запорожским Днестром начинала индеев пелена тумана в холодеющем перед рассветом холодном воздухе, и я, схватив с вечера приготовленный ящик с красками, бежал писать на берег Днепра весенний рассвет, мазанки запорожцев, голубые дали и вербы, осоки и степные курганы. Так продолжалось до осени.

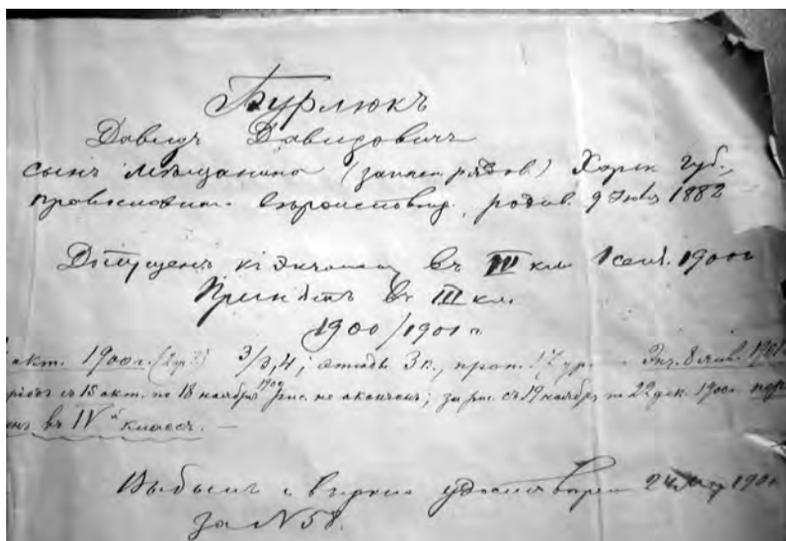
Когда я привез в Одессу триста пятьдесят таких этюдов, то Александр Попов-Иорини (Бурлюк соединил двух преподавателей. – Е. Д.), Ладыженский и К.К. Костанди не только не похвалили меня, но даже сделали выговор, что это «не искусство, а какое-то фабричное производство».

А вот еще один фрагмент из записей Бурлюка:

«1900-1 год в Одесском художественном училище я был переведен по рисованию в фигурный класс, а по живописи в головной. Встреча здесь с художником-учеником Исааком Бродским, с Тимофеем Колца, с Анисфельдом, с Мартыщенко и Овсяным (умер вскоре в туманах Питера) соединила меня дружескими узами с Одессой.

Мой колорит ознакомился с лиловатыми гаммами русского импрессиониста Костанди, и когда я в 1901-2 году опять появился в Казани, затосковав по своим казанским друзьям, то в бесконечном количестве привезенных опять на берега мной этюдов юга было гораздо больше мягкости и понимания тональности».

Гостеприимный и хлебосольный Давид (об этом хорошо пишет Бенедикт Лившиц в «Полутораглазом стрельце»), разумеет-

Документ Давида Бурлюка в фонде Художественного училища

ся, приглашает новых друзей к себе. В своих воспоминаниях он пишет: «Весной у меня (в «Золотой Балке». – Е. Д.) гостили Исаак Бродский, Мартыщенко, Орланд, Овсянный; моя сестра Людмила, запершись в отдельной комнате, раздевала крестьянских девушек и писала с них этюды в натуральную величину. Загорелые бронзы тел, крепкие «осторожные» ноги деревенских венер. Мы завидовали ей».

Сложившиеся дружеские отношения – в первую очередь, с Исааком Бродским – Бурлюк поддерживает и в дальнейшем. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: «Летом 1906 года у нас работали Бродский, Мартыщенко, Орланд, наезжали Агафонов и Федоров. С братом Владимиром трудился Баранов (Россине). <...> Исаак (Бродский. – Е. Д.) неоднократно признавался мне, что работа со мной в «Козырщине» (Екатеринославской губ.) в 1906 году заставила его изменить отчасти свою палитру».

В Государственном архиве Одесской области среди дел Одесского художественного училища (фонд 368, опись 1, ед. хранения 216) сохранился фрагмент личного дела Давида Бурлюка, из которого

Дом, где жил Д. Бурлюк, –
Преображенская, 9

следует, что он, сын мещанина (рядового в запасе) Херсонской губернии, православного вероисповедания, был 1 сентября 1900 года допущен к экзамену в III класс и по результатам экзамена принят в III класс. Учился на 3 и 4, пропустил 17 занятий, был переведен в IV класс и выбыл 24 марта (мая?) с выдачей удостоверения за № 58.

Есть в воспоминаниях Давида Давидовича и адрес, по которому он жил в Одессе. Этот фрагмент из воспоминаний Бурлюка под названием «Мое пребывание в Казанской художественной школе», продиктованных в 1930-м году, существовавший в виде машинописи с правками Марии Никифоров-

ны Бурлюк, опубликован теперь в книге Н. Евдаева:

«Вторая зима в Казани (1901-1902). Предыдущую зиму, таковую вторую в моей жизни, посвященной палитре и кистям, я провел в Одессе. Родитель мой, получив место на юге, в имении у Днепра, – посоветовал мне так далеко не ехать, а перевестись в Одесское художественное училище. Я послушался.

Отправился в Одессу. Я жил тогда в Одессе «пыльной»... Поселился в доме номер 9 по Преображенской улице как раз наискосок от школы. Позже, через десять лет вернувшись в Одесское художественное училище, чтобы «получить диплом», опять пришел в этот же старый дом, поднялся на тот же этаж в ту же квартиру: и поселился, «чтобы вполне себя чувствовать учеником, в той же комнате: «под крышей», с окнами бойницами, где по толку Воронцовский маяк проводил полосы своих огней. Пол в комнате был наискось, упавшая гантель, с которой гимнастировали, катилась с грохотом до наружной стены.

Одесса – морской порт: весь город устремляется улицами к Эвксинскому порту. Там я научился любить море.

Встретил Тимофея Николаевича Колца, художника импрессиониста (его позже съела покровительница талантов бедных – чахотка), Овсяного (умер и он от чахотки в 10-е годы в Академии художеств), М. Мартыщенко / Б. Грекова, И.И. Бродского, Орланда, Б.А. Лаховского, Б. Анисфельда и утонувшего в 1902 году Эвенбаха, Кирьяк Константиновича Костанди, учил в О.Х.У вместе с Ал. Поповым Морини, дожившим до 90 лет, и акварелистом Г. Ладыженским (его в Третьяковке «Куры»). Через своих приятелей – Колцу и И.И. Бродского – я от Костанди почерпнул первое понятие об импрессионизме. Эти молодые художники ездили ко мне, в мою семью – в гости, и мы запоем работали в Херсоне.

И.И. Бродский – чудесный юноша, был мне опорой в моем восхождении к мастерству. Он – остряк: наедемся яичницы на степном хуторе, засядем писать в пять кистей этюды: «Теперь на холстах яичница выступит», – говорит Исаак. Его похваляю моему искусству я всегда придавал большое значение. И.И. Бродский любил искусство и всегда был предан ему. Нас связывала теснейшая дружба. Позже, в годы своей славы, Исаак никогда не отрекался от меня и всегда радушно встречал. Он купил несколько моих импрессионистических этюдов (1910-1915 гг.), и они занимали почетное место в его большой коллекции в С.-Пб, и Петрограде, и Ленинграде, я сестра Людмила и младший брат Владимир Давидович Бурлюк, позже выдающийся новатор. Одессу я когда-нибудь опишу отдельно.

Летом перед Одесским училищем ко мне в Золотую Балку приехал «пан» Оношко и мы вместе писали красками и рисовали. Моя матушка заметила, что женолюбивый «пан» превратил отведенную ему комнату в нашем доме в гарем, причем дворовые девушки, привлеченные его шевелюрой и заунывным исполнением украинских песен, – валом под покровом ночи шли туда, где «пан» Оношко прожил и проработал у нас свыше шести недель.

В Одессу я привез триста этюдов. Около ста этюдов и множество рисунков было выставлено мною на осенней выставке вновь в Казанской художественной школе опять-таки в доме Вагнера: на Большой Лядской, куда, соскучившись по Казани, и найдя, что О.Х.У.

Письмо Д. Бурлюка А. Розенбойму

чересчур по сравнению с Казанью «казенно», я вернулся».

Гантеля, с которой гимнастиковали, была, конечно же, гантелей Владимира Бурлюка. Давид часто жаловался на то, что Владимир упражнялся, а носить гантелю приходилось ему, старшему брату. В процессе подготовки этой статьи я зашел к Виталию Алексевичу Абрамову в Одесский художественный музей. Рассказал ему о найденных мною воспоминаниях Бурлюка – и он тут же достал из шкафа сборник «La memoire d'Odessa», изданный в 1989 году в Марселе, в котором репродуцирован портрет Владимира Бурлюка с гантелей, написанный в 1907

году и хранящийся ныне в Музее изобразительных искусств в Лионе. Я привожу этот портрет в качестве иллюстрации.

Что касается обещания Давида Давидовича описать Одессу отдельно – рукопись такая пока не обнаружена и не опубликована, зато в моем распоряжении оказалось письмо Бурлюка известному одесскому краеведу Александру Розенбойму, датированное 14-м августа 1964 года и подаренное им коллекционеру Леониду Рабиновичу (США), в котором Бурлюк кратко описывает свои одесские годы. Я буду по ходу статьи цитировать это письмо.

Осенью 1910 года Давид Бурлюк вновь поступает в Одесское художественное училище. Позади – годы учебы в Казанском художественном училище (1899-1900, 1901-1902); неудачная попытка поступления в Академию художеств в Санкт-Петербурге в 1902 году – тогда в академию поступила старшая из сестер Людмила, а Давид провалился на рисунке натурщика – ему досталось место в конце зала, откуда он почти ничего не видел единственным «рабочим» глазом; затем была учеба в Мюнхене и Париже, куда

он позвал с собой и Владимира. Именно с Владимиром он приезжает учиться в Одессу. У каждого из братьев были свои веские причины: Владимиру нужно было спастись от неизбежной солдатчины, а Давид хотел получить диплом, дающий право преподавания в средних учебных заведениях. Такие дипломы ОХУ начало выдавать только в 1902 году, то есть уже после первого захода Давида Бурлюка на учебу в Одессу.

Давид Давидович понимал, что, не имея законченного художественного образования, он не будет иметь профессионального статуса и ему будет трудно зарабатывать деньги на жизнь. Доходы от продажи картин были скромными. Он твердо решает завершить свое художественное образование. «...Зиму 1910-11 я и Володя учились в Одессе, где я получил диплом окончания «Одесского художилища» с правом быть учителем искусств в средних учебных заведениях. В России – без диплома – заработок денег был немислим», – эти его слова опубликованы в 55-м номере журнала «Color&Rhyme».

А перед этим у Бурлюков было насыщенное лето 1910 года, когда в Чернянке гостили Михаил Ларионов и Велимир Хлебников. Вот что пишет в июле 1910 года Бурлюк в письме к М.В. Матюшину: «Работаем мы это лето и много, и мало. Все лето почти у нас писал М.Ф. Ларионов. Был Хлебников, сейчас он уехал – Одесса-Люстдорф, дача Вудст'а. <...> Очень было бы хорошо, если бы Вы приехали в первых числах августа, ибо Вове предстоит, кажется числа 25 августа, уехать куда-нибудь в школу, спастись от неминуемой сей год солдатчины, а может и числа 15-17 августа. Пропал он бедняга – ему ведь рядовым». Этим «куда-нибудь» и стала Одесса, а затем Пензенское художественное

Михаил Ларионов. Портрет Владимира Бурлюка

училище, но угроза солдатчины, видимо, никуда не девалась, и после училища Владимир Бурлюк едет в Москву, в Алексеевское военное училище, и совершенно отходит от живописи. Давид Бурлюк писал 18 сентября 1915 года Василию Каменскому: «Владимир Давидович 1 октября 1915 оканчивает московское Алексеевское военное училище. Что дальше – не знаю – он написал весной 1 большую хорошую картину». Последней выставкой, в которой участвовала его работа, стала выставка «Бубнового валета» в Москве, в Художественном салоне Михайловой (6 ноября – 11 декабря 1916 года).

В сборнике «Лестница моих лет», выпущенном Давидом Бурлюком в 1924 году в Нью-Йорке к 25-летию его художественно-литературной деятельности, он еще раз упоминает об Одессе:

«В 1909 году поступил вновь и в одну зиму окончил Одесское художественное училище. Здесь: архитектор Трегубов (ныне в Пенсильвании). В 1910 году вступил по конкурсу в училище живописи В. и З. в Москве». Об этом же пишет Бурлюк в письме к Александру Розенбойму: «Одесса мне была близка с 1900 года, когда я учился в худ. училище Преображенская 25 и жил в доме № 9. Снова зиму 1910-11 провел там и в одну зиму получил диплом худ. училища – чтобы осенью поступить по конкурсу в Моск. Акад. и встретить там Вл.Вл. Маяковского. <...> В те же годы в Одессе Нилус, худ. Кузнецов, худ. Костанди».

Бурлюк и Кандинский

В марте 1909 года в Одессе Давид Бурлюк знакомится и сближается с Василием Васильевичем Кандинским. Их знакомит в процессе подготовки к первому «Салону» Владимир Издебский. Знакомство состоялось в присутствии художницы Александры Экстер, с которой Д. Бурлюк был знаком с 1907 г. Там же присутствовал поэт Николай Гумилев, задержавшийся в Одессе по пути в Абиссинию.

Кандинский произвел на Бурлюка очень сильное впечатление. В своей статье о знакомстве с ним (David, Marussia Burliuk. Our friendship with W.W. Kandinsky // Color&Rhyme. [1963(?)]).

№ 51, 52) Бурлюк пишет: «Родившийся в России В. Кандинский, воспитывавшийся в зажиточной семье, окончил российский университет. Он изучал экономику, философию и естественные науки, в частности, биологию. Его близкие друзья говорили, что его картины, представленные на знаменитой выставке «Der Blaue Reiter», были созданы под впечатлением виденного им при работе с микроскопом, также на него произвел впечатление визуальный феномен, открывшийся человечеству в результате развития авиации и астрономии. Первая мировая война застала В. Кандинского в Германии, где он был арестован немцами. С трудом вырвавшись из заключения, он бежал через Швейцарию и с 1914 года обосновался в Москве. Зимой 1914-1915 г. мы с В. Кандинским разделяли студию на пятом этаже дома № 1 Гнездиковского переулка в Москве. 11 апреля 1915 года родился Никита (Николас) Бурлюк, и Кандинский стал крестным отцом ребенка. Позже судьба разделила нас навсегда. Мы больше никогда не встречались».

Давид Давидович неоднократно писал о знакомстве и сотрудничестве с Кандинским: «Сезоном 1910-1911 гг. я оканчиваю в одну зиму Одесское художественное училище. Здесь началась связь с Мюнхеном: «Голубой всадник», и с Василием Васильевичем Кандинским».

В своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста» он пишет:

«Еще гораздо более радикальным между тем оказалось лето 1910 года. Здесь уже были написаны неоимпрессионистические этюды Днепра. К нам приезжали и работали с нами некоторое время Михаил Федорович Ларионов, а затем Лентулов. Ларионов написал «Случку», «Стог», «Шиповник», «Окно с букетом», «Дождь» – прекрасные вещи. Лентулов – этюды баб...

Подобная работа воспроизведена в «Голубом всаднике» Кандинского. У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии».

В 1911 году Василий Кандинский и Франц Марк после разрыва с «Новым объединением художников Мюнхена» пригласили Давида Бурлюка в Германию, в город Мурнау, для участия в издании альманаха, который вскоре явился основой для организации

двух одноименных выставок. В мае 1912 года в Мюнхене вышел в свет альманах «Der Blaue Reiter» («Голубой всадник»), в котором была опубликована статья Давида Бурлюка «Дикие» России», в котором он пишет о «новом» искусстве и его представителях. Помимо Бурлюка в альманахе были опубликованы статьи Николая Кульбина, стихи Михаила Кузмина, выдержки из сочинений Василия Розанова. На первой мюнхенской выставке «Голубой всадник», состоявшейся в 1911 году в Heinrich Thannhauser Gallery, экспонировалась работа Давида Бурлюка «Пахарь», которая хранится ныне в нью-йоркском музее скульптора Хайма Гросса. Во второй выставке (графической) «Голубой всадник» участвовали Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Казимир Малевич.

А незадолго до этого работы Кандинского и Бурлюка были представлены в Одессе, Киеве, Санкт-Петербурге и других городах России на двух «Салонах» одесского скульптора Владимира Издебского.

«Салоны» Издебского

«Салоны» Владимира Издебского давно стали легендарными. И это заслуженно – именно благодаря «Салонам» российская публика смогла познакомиться с произведениями ведущих французских художников, а вместе с ними – и с работами своих соотечественников, находящихся в авангарде художественного поиска и экспериментов. Хотя Владимир Издебский всегда старался сбалансировать представляемых на «Салонах» авторов – наряду с «леваками» Давидом и Владимиром Бурлюками, Ильей Машковым, Аристархом Лентуловым, Александрой Экстер, Алексеем Явленским были представлены работы художников, входивших в привычные и признанные «Мир искусства», «Союз русских художников», Товарищество южнорусских художников, – именно работы «леваков» вызвали наибольшее внимание и даже скандалы. «Незнакомец» (Б.Д. Флит) в статье «Наброски на лету» («Одесские новости», 5.12.1909) писал: «В «Салоне» три разряда: правые, средние и левые картины... Правыми публика любит, средними восхищается, левых – не понимает».

Первый «Салон» открылся 4 декабря 1909 года в бывшем помещении Литературно-артистического общества – дворце князя Гагарина, и проработал в Одессе до 24 января 1910 года, вызвав значительный интерес как публики, так и критики, и переехав затем в Киев, Петербург и Ригу. Давид Бурлюк был представлен на первом «Салоне» 8-ю работами, значившимися в каталоге под № 62-69: «Портрет», «Сирень», «Сад», «Весна», «Весенний свет», «Аллея», «Nature morte» и «Лето» – причем последняя была указана как собственность Владимира Издебского. Владимир представил три работы, обозначенные как «витражи»: «Рай», «Павлин» и «Ландшафт» (№ 70-72). Кроме того, на «Салоне» экспонировались семь работ – в основном этюды, – мамы многочисленного семейства Бурлюков Людмилы Иосифовны, которая выставлялась под девичьей фамилией Михневич. Ее работы значатся под № 491-497. Семейные узы были у Бурлюков необычайно крепкими – сыновья старались представить на выставках работы матери при малейшей возможности.

Владимиру Издебскому удалось отобрать для экспозиции работы самых передовых европейских художников. Дочь Издебского Галина Владимировна Издебская-Причард в статье «Владимир Алексеевич Издебский на родине и в изгнании. Страницы истории отечественного искусства» пишет:

«Это были главным образом французские художники парижской школы, члены немецкой мюнхенской группы, «Новая художественная ассоциация», были и несколько итальянцев и представителей других национальностей. Группа развивающегося модернистского движения парижской школы даже теперь кажется очень представительной, начиная от неоимпрессиониста Синьяка, группы Наби, фовистов и кончая Браком, который уже тогда был кубистом и показал три пейзажа. Среди 37 французских художников (некоторые из них сейчас забыты, но некоторые и сегодня остаются светилами искусства начала XX в.) были Эмиль Бернар, Пьер Боннар, Жорж Брак, Феликс Валлоттон, Морис Вламинк, Эдуар Вьюар, Альбер Глез, Морис Дени, Кис Ван Донген, Мари Лорансен, Анри Манген, Альбер Марке, Анри Матисс, Жан Метценже, Одилон Редон, Жорж Руо, Анри Руссо, Поль Синьяк, Анри Ле Фоконье и Отон Фриез...»

Работы представленных на «Салоне» французских художников произвели большое впечатление на Давида Бурлюка. Он пишет Николаю Кульбину в Петербург (6 декабря 1909): «Выставка очень интересна – так много милых французов – прекрасный Ван Донген, Брак, Руссо, Вламинк, Манген, и мн. др. <...> Приехали в деревню поработать до января – ужасно хочется (после французов)».

Что касается русских художников, то они были подобраны во многом самим Бурлюком. Г. Издебская-Причард пишет о том, как Владимир Издебский выбирал авторов для выставки: «В Париже ему помогал Мерсеро, в Мюнхене – Кандинский, в Москве и Петербурге – Давид Бурлюк, Ларионов и Камышников».

Второй «Салон», прошедший в Одессе с 6 февраля по 3 апреля 1911 года по адресу: улица Херсонская, 11, стал бенефисом русских «левых». Василий Кандинский выставил 54 работы, Наталья Гончарова – 24, Михаил Ларионов – 22, Илья Машков – 17, Петр Кончаловский – 15. Вообще, второй «Салон» значительно отличался от первого. Среди новых художников были Роберт Фальк, Владимир Татлин и Георгий Якулов. Представлены были также «сезаннисты» Куприн, Машков, Кончаловский, неопримитивисты Гончарова и Ларионов. Всего в каталоге было заявлено 57 художников с 425 экспонатами. Из иностранных художников в выставке участвовала только одна Габриэле Мюнтер.

Давид Бурлюк представил 26 работ, обозначенных в каталоге под № 12-37. Семья Бурлюков была представлена на втором «Салоне» практически полностью – из рисующих отсутствовали только работы Людмилы. Владимир Бурлюк представил 12 работ, обозначенных в каталоге под № 38-49. Людмила Иосифовна представила пять работ (в каталоге под № 289-299, № 293-298 в каталоге отсутствуют); кроме того, в отделе детских рисунков (замечательная инициатива Издебского) среди прочих были представлены работы двенадцатилетней Надежды Бурлюк («Салон» Вл. Издебского, «Одесские новости», 13.02.1911).

Работы «левых» на втором «Салоне» вызвали скандальную реакцию в среде местной публики. Это была уже не просто критика – произведения Гончаровой, Ларионова, Кончаловского, Владимира Бурлюка и Кандинского были попорчены чернильными карандашами.

Наибольший поток критики и вообще внимания привлекли работы Владимира Бурлюка. Именно его портреты Владимира Издебского, Михаила Ларионова и Аристарха Лентулова наделали столько шума, что были даже отображены в шаржах различных авторов. Возмущенные критики соревновались в негативных эпитетах. Например, вот что писал Альцест в статье «В «Салоне» В.А. Издебского» («Одесское обозрение», 16.02.1911):

«Но все-таки как далеко ни шагнул в «новаторстве» г. Д. Бурлюк, брату его удалось уйти еще дальше. Молодой художник успел окончательно перешагнуть за черту, отделяющую наши художественные и эстетические принципы и восприятия от вкусов и прихотей дикаря или душевнобольного. Таковы его знаменитые в своем роде портреты Вл. Издебского (№ 47), художников Ларионова (№ 38), Лентулова (№ 48) и автопортрет (№ 40). Не менее оригинален художник и в качестве пейзажиста. В этом жанре наиболее любопытными являются две его вещи: «Весенний пейзаж» (№ 41) и «Цветущая сирень» (№ 42). Если эта живопись не продиктована только соображениями чисто рекламного характера, то, несомненно, с ней ведаться необходимо не художественной критике, а врачебно-медицинской экспертизе».

Давид Бурлюк представил много работ, написанных в 1905-6-8-9 годах в реалистической манере. Лозэнгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в заметке «Зигзаги» («Одесские новости», 05.02.1918) писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <...> Весьма умно сделали устроители «Салона», выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, написанные с прежней манерой». Сергей Зенонович Лущик в книге «Одесские «Салоны Издебского» и их создатель» пишет о том, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в «Салонах». «Фактически – персональная выставка к экзаменам!» – пишет С.З. Лущик.

А вот что пишет в своих воспоминаниях сам Давид Бурлюк:

«В 1904 году лето мы живем в Херсоне и один месяц в Алешках. <...> Работаем здесь: я, Владимир, Людмила и наша матушка,

в четыре кисти... Без конца... Неустанно пишу портреты со своей матушки. По целым дням пишу пейзажи: это лето 1905 года должно быть отмечено созданием ряда уже доведенных до известного выявления «законченности» пейзажей Украины. Позже с выставки в Одессе «2-й Салон Издебского» 1911 года большинство работ этих было продано.

Это время в моей живописи отмечено отчаянным реализмом. Каждая веточка, сучочек, травка – все выписано».

И действительно, Бурлюк был одним из самых продаваемых авторов второго «Салона». 26.02.1911 г. «Одесские новости» писали: «Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в «Салоне», очень бойко продаются». Среди приобретенных названы 9 работ Давида Бурлюка. Продан был даже вызвавший столько шума портрет Владимира Издебского работы Владимира Бурлюка. Вообще, успех второго «Салона» превзошел все ожидания – выставку посетило более трех тысяч человек. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», – писал «Одесский листок» 11 марта 1911 года.

Давид Бурлюк принимал также участие в организованном Владимиром Издебским публичном диспуте «Новое искусство, его проблемы, душа, техника и будущее». Диспут состоялся в зале «Унион» на Троицкой, 43. Собственно говоря, Бурлюк принял участие в прениях, так как основными докладчиками были доктор философии А.М. Гринбаум («К философии современного искусства») и сам Владимир Издебский («Новое солнце» (от академизма к импрессионизму)). Вот что писали одесские газеты о прошедшем вечере:

«Вчера, в зале «Унион» <...> раскололся на две половины: пасмурную – лекции А.М. Гринбаума <...> и В. Издебского <...> и оживленную – словопрения, в которых приняли участие: гг. Бурлюк, Гершенфельд, Инбер, Нилус и Пильский» («Одесский листок», 02.04.1911).

«В прениях приняли участие Д. Бурлюк, М. Гершенфельд, Н. Инбер, П. Нилус и П. Пильский. Они не имели вида диспута, а походили скорее на ряд самостоятельных лекций <...> Г-н Издебский отказался их резюмировать» («Одесские новости», 02.04.1911).

О приятельских отношениях Бурлюков и Владимира Издебского можно судить по ряду моментов. Во-первых, к началу первого «Салона» Владимир Издебский уже владел работами Давида Бурлюка – под № 69 в каталоге работа «Лето» значителен как собственность В. Издебского. Во-вторых, на втором «Салоне» сам Издебский представил скульптурный портрет Давида Бурлюка, а Владимир Бурлюк представил портрет Издебского, надевший немало шуму и известный нам сегодня по шаржам И. Гохмана и Mad (Михаила Александровича Дризо). Сам Бурлюк пишет: «В 1909 году осенью я принял участие на выставке Издебского «Салон»; я здесь приобрел плечо к плечу к лучшим мастерам, привезенным моим старым, еще из Мюнхена, знакомым из Парижа».

Эти приятельские отношения Бурлюка с Издебским были несколько омрачены эпизодом невозврата картин после второго «Салона». Дело в том, что еще по результатам первого «Салона» Издебский понес убытки, и по результатам второго они только усугубились. Еще 9 октября 1910 года Василий Кандинский, который был тогда в Одессе, писал Габриэле Мюнтер: «Ко мне завтра придут Издебский и Давид Бурлюк. Издебский задолжал за первый «Салон» 4000 рублей и теперь живет более чем скромно». А 30 ноября 1910 года Кандинский уже писал Мюнтер о том, что на ряд работ с «Салона» был наложен арест, чтобы покрыть долги. Сам Бурлюк в один и тот же день 27 августа 1911 года писал Кандинскому и Николаю Кульбину об этом: «В.А. Издебский возбудил против себя сильно русских художников: не отдает до сих пор работ» (Кандинскому), и «Издебский бежал из Одессы: писал, что за границей, я думаю, жид врет: где-либо в Бердичеве. <...> Я своих работ, к своему сожалению, не могу получить» (Кульбину). Этот антисемитский пассаж (притом, что Издебский был католиком) крайне неприятен в устах Бурлюка, который сам, оказавшись в Америке, долго выдавал себя за еврея, пытаясь приспособиться к тамошней среде.

Через некоторое время не только Бурлюк, но и Владимир Издебский оказывается в Америке. Лично там они не общались, лишь несколько раз обменялись письмами. 16 июня 1955 года Издебский писал Бурлюку:

«Да, да, дорогой друг, Давид Давидович. Очень нехорошо, что я так долго не отвечал на письмо; но не надо забывать, что в мае месяце этого года пошел 75-й год моей очень сложной и запутанной жизни, и наступило время болезням всяким и прямо усталости в борьбе за жизнь. Да и работаю я над скульптурой очень много и порядком устаю. А сейчас еще увлекся живописью; лучше поздно, чем никогда, сказал турок, когда его посадили на кол. Вот и я взялся за письмо».

Далее Владимир Издебский вкратце описывает, где и когда состоялись «Салоны», и кто принимал в них участие, а в конце письма сожалеет о том, что Бурлюк не пришел на его первую выставку, состоявшуюся в Нью-Йорке. Видимо, в том первом письме от Бурлюка, на которое отвечал Издебский, Давид Давидович просил его восстановить информацию о «Салонах» – как мы понимаем, не зря, так как в 31 номере журнала «Color&Rhyme» (1956 год), который Давид и Маруся издавали в Америке, опубликован фрагмент из воспоминаний «Маяковский», в котором Бурлюк упоминает о «Салонах» Издебского: «Осенью 1909 г. в Одессе В.А. Издебский устроил выставку «Салон», которая позже была показана в Киеве и Петербурге. <...> Маленькая локальная выставка была устроена в Одессе в ноябре 1910 г. Я выставил 25 картин периодов 1905, 1906, 1908 гг. Кандинский представил 52 работы, многие из которых были еще в сюжетном стиле. Владимир Бурлюк уже писал в очень «продвинутой» манере. В это время я познакомился с Кандинским. Он был на шестнадцать лет старше (он – 1866 года, я – 1883-го)». Как видим, Давид Давидович ошибается не только в количестве представленных на выставку работ, но даже неправильно указывает год своего рождения. Такие ошибки встречаются в его воспоминаниях довольно часто. Собственно, в таком возрасте это простительно – сам Издебский в своем письме также сделал множество ошибок.

Бурлюк упоминает Издебского в своем письме к А. Розенбойму: «В 1909-10-11 и ранее 1907 г. участвовал в Одессе на выставках. (Вл. Издебский). Он жив и сейчас здесь в Нью-Йорке».

В ответ на письмо Издебского Бурлюк пишет ему уже 20 июня 1955 года: «...Мы были February, March на Кубе. Теперь там моя

выставка 53 работы – написал их с 1-го января (1955) по 22 марта того (сего) года. <...> Выставка под покровительством правительства Кубы. Один друг из Москвы (1913) S.M. Vermel – все это организовал. Жизнь коротка – а друзей мало!..».

В другом письме от 14 июля 1955 года Бурлюк пишет Издебскому: «...Посылаю вам каталог моей выставки на Кубе: «Palacio Belles Artes». June 3-30... Устроитель ее (директор Вермель), мой друг из Москвы... С.М. Вермель – поэт, актер (ученик Мейерхольда), он выпустил книжку стихов с моими рисунками в Москве в 1914 году».

Как видим, от былых обид не осталось и следа.

Турне кубофутуристов

После окончания Одесского художественного училища Давид Бурлюк поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где знакомится и завязывает дружеские отношения с Владимиром Маяковским. Начавший писать стихи во многом благодаря влиянию Бурлюка, Маяковский очень быстро «расправляет плечи». Например, Игорь Северянин, с которым Бурлюк и Маяковский будут участвовать в «Первой Олимпиаде футуризма», писал в начале декабря 1913 г. поэту Вадиму Баяну (В.И. Сидоров): «Я на днях познакомился с поэтом Влад. Влад. Маяковским, и он – гений». В декабре 1913 года Давид Бурлюк, Василий Каменский и Владимир Маяковский начинают «гастроли кубофутуристов». После выступлений в Харькове, Симферополе, Севастополе и в Керчи (в Крыму вместе с ними выступали также Игорь Северянин и Вадим Баян) троица кубофутуристов приезжает в Одессу, где к ним присоединяется критик Петр Пильский. Благодаря стараниям Василия Каменского вечера футуристов в Одессе рекламировались уже с 11 января 1914 года. Основной приманкой для зрителей, жаждавших скандала и раскупивших все билеты, была раскрашенная в футуристическом стиле кассирша. Вот что писал «Одесский листок» 16 января 1914 года: «Уже давно вестибюль Русского театра не видал такого оживления, какое там царит со дня приезда футуристов. Здесь можно встретить представи-

телей всех слоев общества: тут и приказчик, офицер, и чиновник, особенно мелькают студенческие фуражки. За кассой сидит футуристическая дама с позолоченным носом и губами. Щеки разрисованы какими-то каббалистическими фигурами. <...> И любятя – но как-то по-особенному – самым бесцеремонным образом подходят к кассе, заглядывают в лицо и отпускают самые рискованные остроты. Кассирша сидит с каким-то видом, как будто это ее совсем не касается».

15 января в Одессу приехали Каменский, Маяковский и Бурлюк, и все внимание переключилось на них. «Появление их на улицах города вызвало всеобщее отвращение, хотя толпы зевак и ходили за ними по пятам», – писал некто Гр. Ф. в статье «Футуристы в Одессе», опубликованной 16.01.1914 г. в газете «Вечерняя южная мысль». Оставим отвращение на совести Гр. Ф., но то, что футуристы вызвали всеобщий интерес, неоспоримо. Известна история о том, что когда наши герои зашли в один из одесских ресторанов, чтобы скрыться от внимания толпы, уже через несколько минут все столики в ресторане были заняты, после чего хозяин отказался брать с футуристов деньги за заказанное ими пиво.

В общем, на первом вечере 16 января 1914 года Русский театр был полон. «Вчера вся Одесса обчаялась, обужиналась, окалошилась, ошубилась, обиноклилась и врусскотеатрилась. Сбор был шалыпинский», – писал Незн. в заметке «На футуристах» («Одесские новости», 17.01.1914). Выступали по очереди: Петр Пильский со вступительным словом о футуризме и футуристах; Василий Каменский – с отповедью критикам футуризма и рассказом о достижениях футуристов в творчестве; Давид Бурлюк с лекцией о кубизме и футуризме, ретроспективой истории искусства от барбизонцев до новейших групп и течений в русском искусстве; и в конце – Владимир Маяковский с рассказом о достижениях футуризма. После этого Каменский, Бурлюк и Маяковский читали свои стихи.

Публика ждала скандала, однако скандала не было. «Городовые вынуждены были довольствоваться лишь зрительными и звуковыми впечатлениями», «Это был вечер клоунады и добродушного настроения», «А между тем ждали скандала. И публика

разошлась с нескрываемой миной разочарования», – писали одесские газеты.

Особо репортеры отметили выполненный Владимиром Бурлюком кубистический портрет Петра Пильского – как раньше на втором «Салоне» портрет Владимира Издебского. Вот что писал Лери в заметке «Звуки дня. Футуристы» («Одесский листок», 17.01.1914):

«Особенный успех сам собою выпал на долю произведения самого лектора (Давида Бурлюка. – Е. Д.) и его не менее одаренного брата. Очень понравился портрет г. Пильского кисти Владимира Бурлюка. Писанный по-футуристски. Не кистью, брандспойтом. И изображавший не Пильского, а пирамиды под снегом. Очень удачный портрет».

Некто А. в статье «У «смеяльных смехачей» («Одесские новости», 17.01.1914) написал: «Гомерический хохот вызвало демонстрацию на экране кучи треугольников, долженствовавших изобразить «портрет Петра Пильского». – Узнаю дорогие черты, – шутит за кулисами артистка Кузнецова. И закулисная публика заливается от хохота...».

Второе выступление кубофутуристов, также состоявшееся в Русском театре 19 января, вызвало куда меньший интерес.

С пребыванием Маяковского и Бурлюка в Одессе связан один из интереснейших романтических эпизодов в жизни Маяковского – его увлечение Марией Денисовой, вылившееся в известные теперь уже всем строки «Это было, было в Одессе...» поэмы «Облако в штанах». И вот тут интересное свидетельство Давида Бурлюка из его письма к Александру Розенбойму, которое я уже цитировал выше:

«В 1913 г. в Одессе выступления с Петром Пильским и Володя имел свой роман с Марией – младшая-бедная сестра Катерины, жены румынского помещика. Я ее (Катерину) знал в 1906 г. в Харькове – они были богатые люди, и художник Митрофан Семенович Федоров писал ее портреты. Мария и Катя приезжали в Москву в 1915 год апрель. Я их тогда не видел, так как у нас родился 11 апреля младший сын Никифор Давидович. Фамилию Марии и Кати ее старшей сестры – я записал в своем манускрипте «Романы Маяковского».

Николай Бурлюк

Из трех братьев только Николай не увлекся живописью. Вот что писала о нем Людмила в воспоминаниях «Фрагменты семейной хроники», опубликованных в 48 номере журнала «Color&Rhyme»: «Родился в 1889 году. Обладал огромным поэтическим талантом. Он никогда не брал в руки карандаш или кисть. Отец Бурлюков любил говорить, что Коля тем хорош, что его одежда никогда не будет в пятнах от масляных красок».

Долгие годы дата и место смерти Николая оставались неизвестными. В книге «Давид Бурлюк в Америке» Ноберт Евдаев приводит информацию о братьях и сестрах Бурлюк, собранную из «различных писем, по записям бесед с внучкой Бурлюка Мэри Клер и статьям из различных номеров журналов «Color&Rhyme». Вот что он пишет о Николае Бурлюке:

«Он был очень образованным юношей. Был призван в армию в 1916 году. Воевал на румынском фронте. Людмила Иосифовна, мать Николая, всегда ждала Колю с фронта. Он вернулся в 1920 году в Херсон. По настоянию матери женился на Саше Сербиновой, и у них родился сын Николай. Осенью 1922 года Николая Давидовича Бурлюка нашли убитым в Херсоне». Сам Давид Давидович в разных письмах также упоминал разные предполагаемые даты смерти Николая.

Не так давно искусствовед Андрей Крусанов, автор великолепного четырехтомника «Русский футуризм», расставил в этом вопросе все точки над «i», обнаружив в архивах Службы безопасности Украины обвинительное заключение по делу Николая Давидовича Бурлюка. Из обвинительного заключения мы узнаем, что после окончания в 1914 физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Николай Бурлюк некоторое время учился в Москве, а затем, уже в 1916 году, был мобилизован на правах вольноопределяющегося, служил в электротехническом батальоне. 15 июля 1917 года он окончил школу инженерных прапорщиков, после чего отправлен на Русский <Румынский?> фронт и в 9 радиодивизионе исполнял сначала обязанности помощника начальника учебной команды, а затем и сам стал начальником полевой радиотелеграфной учебной шко-

лы. В начале ноября 1917 года Николай едет в Россию и привозит свою мать в Румынию, в город Вотушаны <Ботошани?>. В январе 1918 года ввиду разоружения дивизиона белыми добровольцами на ст. Сокола Николай Бурлюк уезжает в Кишинев, в Радио (?) Румынского фронта, и в том же январе 1918 года поступает в Кишиневскую земуправу и уезжает в Измаил уездным представителем министерства земледелия Молдавской республики. В марте 1918 года он уходит в запас и продолжает служить в Управлении земледелия до июня 1918 года. После чего через Одессу едет на жительство в Херсон, где устраивается чернорабочим завода Вадон, затем помощником табельщика, и в начале августа 1918 года уезжает в имение Скадовского (Белозерка Херсонской губернии), где служит приказчиком и неофициально исполняет обязанности помощника управляющего. В ноябре 1918-го по объявленной гетманом Украины Павлом Скоропадским мобилизации Николай Бурлюк является как офицер и направляется в Одессу, в радиодивизион, где от гетмана переходит к Петлюре, затем в начале декабря 1918 года – к белым, а в апреле 1919 года остается в Одессе и служит до мая при Красной Армии, после чего переходит на службу в морскую пограничную стражу. Уже в июне 1919 года он освобождается от службы как агроном и уезжает в Херсон, а затем в село Веревичино к родным. С июня до августа живет в деревне, но затем уезжает в Алешки (уездный город Таврической губернии Днепровского уезда) для подыскания службы учителя, дабы не попасть в ряды белых. Тем не менее, по объявленной белыми мобилизации является как офицер, за службу в Красной Армии преследуется, понижается в чине до рядового и отправляется на фронт против Махно, где служит рядовым телефонистом. После наступления Красной Армии в декабре Николай убегает от белых через Мелитополь и Алешки в Херсон, затем в Голую Пристань и там скрывается в больнице до декабря 1920 года.

Считая, что гражданская война закончена, Николай Бурлюк сам является в комиссариат для учета как бывший офицер. Несмотря на то, что Николай служил в радиодивизионе, и совершенно очевидно, что главной его целью было как можно скорее вернуться к мирной жизни, более того, он служил и в Красной Армии, Чрезвычайная тройка принимает решение расстрелять его

как шпиона армии Врангеля, и «желая скорее очистить Р.С.Ф.С.Р. от лиц подозрительных, кои в любой момент свое оружие МОГУТ поднять для подавления власти рабочих и крестьян».

Такие приговоры выносила та самая советская власть, власть рабочих и крестьян, о которой и сегодня многие вспоминают с умилением и ностальгией.

К счастью, после Николая остались его стихи. В 2002 году в серии «Новая библиотека поэта» под редакцией С. Красицкого вышла книга стихов Давида и Николая Бурлюков, куда вошли все стихотворения Николая, опубликованные в футуристических альманахах с 1910 по 1915 год.

Два визита в Давида и Маруси Бурлюк в СССР, воспоминания и встречи с одесситами

В коллекции Е.М. Голубовского есть открытка, отправленная 1 декабря 1955 года Давидом Бурлюком одесситу Семену Кирсанову, проживавшему тогда по адресу: Москва, Лаврушенский переулок, дом 17/19, кв.22. Бурлюк пишет: «Дорогой друг. <...> Мы хотим май, июнь, июль прожить и пописать (реальный стиль, «лубок») на нашей родине. Я могу иметь на двоих в СССР – 10 дол. в день – что у нас здесь достаточно, но как быть с этими долларами в СССР? Дорогие: Кирсанов, Шкловский, Асеев – думайте! Love – David Marussia Burluuk».

Эта открытка во многом является знаковой. Давид Давидович много лет хотел попасть на родину и рассчитывал на взаимность – заслуг хватало. И среди этих заслуг – не только открытие Маяковского как поэта. За много лет жизни в Америке Бурлюк ни разу не высказался негативно о советской власти. Скажу больше – именно в США он написал и издал поэмы «Десятый октябрь» с портретом Ленина в виде иллюстрации и «Максим Горький». Благодаря Бурлюку в нью-йоркской газете «Русский голос» печатались Илья Эренбург и Луначарский, Бонч-Бруевич и тот же Горький. Вообще, Бурлюк регулярно писал на страницах «Русского голоса» о Советском Союзе – печатал отчеты о достижениях в области промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства; писал

о спасении челюскинцев, открытии Днепрогэса, перелете через океан советских летчиков и о многих других событиях, происходящих в СССР.

Но «советские» не торопились ни с визой, ни с приглашением – все-таки эмигрант, два брата служили в царской армии, живет в стране загнивающего капитализма... А Бурлюк не оставлял попыток – и они в конце концов увенчались успехом. Лиля Брик, Василий Катанян и Семен Кирсанов добились-таки приглашения в СССР для Давида и Маруси.

29 марта 1956 года они отплыли из Нью-Йорка в Норвегию на океанском лайнере «Ставангер Фиорд». 10 апреля в 10 часов утра – Бурлюки были в Осло – им позвонили из «Американ Экспресс» и соединили с Семеном Кирсановым. Он сказал им, что семью Бурлюков официально принимает Союз писателей. А в 5 вечера того же дня в гостиничный номер принесли радиogramму, подписанную Лилей Брик. Лиля Юрьевна также писала о том, что они наконец получили возможность посетить страну своих предков и друзей.

Из Осло Бурлюки отправились в Стокгольм, где в советском консульстве им выдали визу на въезд в СССР и разрешение находиться там 60 дней. Через Турку Давид и Маруся добрались в Хельсинки, где сели в поезд до Москвы. Давид Бурлюк писал в своем дневнике: «Мы смогли осилить стоимость только «плацкарта», но, войдя в вагон, мы узнали, что проводник уже получил специальное указание поместить нас в первый класс. Доллар в России обесценен. Обменный курс очень невыгоден. Требуется 60-100 долларов в день на скромное проживание. На такие расходы мы не рассчитывали, и если бы не приглашение быть почетными гостями Союза писателей России, взявшими все расходы по нашему пребыванию на себя, мы бы не потянули эту поездку». 28 апреля на Ленинградском вокзале их встречали Лиля Брик, Василий Катанян, Семен Кирсанов, Николай Асеев и другие. Все они являлись членами специально созданной комиссии Союза писателей по приему Бурлюков в России. Теперь в течение 60 дней Бурлюки могли не думать о расходах – помните 10 долларов в день? Все было для них организовано и оплачено. Бурлюков поселили в гостинице «Москва» в номере люкс.

В дороге Бурлюки вели по обыкновению дневник, во многом благодаря которому мы знаем сейчас о подробностях их поездки. Давид Давидович вспоминал апрель 1917 года, когда он был приглашен Максимом Горьким на прием в петербургский ресторан. Вот что он пишет: «В этот же вечер был дан прием в старинном ресторане «Донон», существовавшем еще со времен Петра Великого. На столе были яства, как на самых лучших приемах, французская кухня и дорогие вина. Прием был платный. Большой и давний мой друг, с которым я учился в Одесской художественной школе, Исаак Бродский (1884-1939), великий мастер, сидел рядом со мной. Первый художник, который написал мой портрет, был именно он, И. Бродский, и это было в 1901 году». Дальше Бурлюк пишет о том, что они с Бродским отправились в художественный салон мадам Добычиной, которая только что продала шесть работ Бурлюка Максиму Горькому. Там они оказались в компании Бориса Анисфельда, вышедшего из мастерской И.Е. Репина в Академии художеств. Интересно, что жизненный путь Анисфельда во многом напоминал судьбу Бурлюка. Оба они начали художественное образование в Одесской художественной школе, у одних учителей – Г.А. Ладыженского и К.К. Костанди. Когда началась революция, Борис Анисфельд с женой и дочерью уехали во Владивосток, Японию, а оттуда в США. Он проделал такой же путь, какой проделал Давид Бурлюк.

Московская программа была очень насыщенной. Бурлюки встречались с Робертом Фальком и Сергеем Коненковым, Мартиросом Сарьяном и Ильей Эренбургом, Корнеем Чуковским и Николаем Асеевым, но чаще всего с Василием Катаняном, Лилей Брик и Семеном Кирсановым. Интервью и заметки о них вышли в «Правде», «Огоньке» и других центральных изданиях. Это было прорывом после десятилетий молчания.

Свою первую работу маслом по приезду на родину Давид Бурлюк написал на подмосковной даче Семена Кирсанова. Взяв с собой этюдник, они с Марусей отправились пешком в ближайшую деревню, где обосновались на вспаханном поле. Прошло тридцать семь лет с того дня, когда Давид Давидович писал на родной земле – тогда это был Владивосток.

Стены дачи Кирсанова были увешаны живописью – среди работ были две картины Бурлюка периода 1910-х годов. А до это-

го Бурлюки побывали у Кирсанова дома. Вот что они записали в дневнике:

«Семен Кирсанов пригласил нас к себе на обед в квартиру в доме напротив Третьяковской галереи. В этом доме жило много известных писателей. Его жена, которую он нежно называл Раинька, выглядела намного моложе Семена. Белолицая, голубоглазая, с прямой точеной фигурой, как стрела, заявила, что диету не соблюдает. Она оказалась известной спортсменкой – бегуньей. Она также чемпионка спортивного общества «Наука» по теннису.

Кирсанов пригласил нас в комнату, где на стене висит японский пейзаж Бурлюка. «Здесь, под этим пейзажем, на этом диване родился мой сын 18 лет тому назад. Мать заплатила жизнью за его рождение. Раинька моя вторая жена. Мы прожили с ней 16 лет. Я купил Ваш японский пейзаж у вдовы Петрова, который был инспектором Московской консерватории и был другом Ларионова. Он слыл гурманом и накрывал шикарные обеды для художников, после того как получал от них в подарок картины. Вашу картину «Березки» я купил в антикварном магазине».

14 мая по программе Союза писателей Давид и Маруся на двухмоторном самолете вылетели в Крым. В полдень они приземлились в Харькове, родном городе Бурлюка, откуда добрались до Симферополя. В поездке их сопровождала секретарь Надежда Ивановна Нечаева, которая хорошо владела английским и французским языками. Конечно же, она была приставлена к Бурлюкам компетентными органами.

В 40-м номере журнала «Color&Rhyme» (1959 г.) Бурлюк писал: «Теперь, через 55 лет, вместе с моей дорогой Марусей я возвратился сюда как завоеватель жизни, почетный гость, расходы по путешествию которого все оплачены, чтобы осваивать красоты моего любимого Крыма. Я прибыл сюда со своим «секретарем», проживаю первым классом, со всем воображаемым комфортом».

В Крыму Давид Давидович, как обычно, много работал, много путешествовал и много общался. Помимо многочисленных рисунков он написал около двадцати больших полотен. Они с Марусей побывали в бывшем имении Константина Коровина в Гурзуфе, ставшем Домом творчества художников; в доме Максимилиана Волошина, ставшем Домом творчества писателей. В моей

Давид Бурлюк в Крыму

коллекции есть фотография из Гурзуфа – Бурлюк набрасывает что-то на картоне на фоне радостно позирующих художников и детей.

Бурлюки познакомились в Крыму более чем с тридцатью художниками и скульпторами. Одним из них был Николай Лукич Савицкий, окончивший Одесское художественное училище. Бурлюки записали в дневнике, что визит в домашнюю студию Николая Лукича Савицкого завершился тем, что Николай Лукич и Лидия Ивановна Савицкие подарили им одну из его очаровательных майолик – скульптуру «Гитарист» (которая сейчас находится в коллекции вдовы Давида Бурлюка-младшего в Лонг-Айленде). «Николай Лукич Са-

вицкий прославил себя, создав известную скульптуру горного орла, водруженного на одной из саблеобразных вершин крымских гор. Это могучая бронзовая птица-монумент, символ победы героической русской армии во второй мировой войне», – писал Бурлюк. Скульптура Савицкого «На защите СССР» репродуцирована в 41-м номере «Color&Rhyme».

Сын Николая Лукича, Игорь Николаевич Савицкий, руководивший недавно Одесским художественным училищем, помнит эту встречу. Бурлюки пробыли у них около двух часов, Давид Давидович хотел даже написать портрет Лидии Ивановны, но не успел. Майолика, скорее всего, не «Гитарист», а «Бандурист». Бурлюк говорил тогда ему, что нужно заниматься искусством, идти по стопам отца; когда «секретарь» Надежда вышла из комнаты, посмеялся над «трогательной» заботой компетентных органов –

неужели ему, выросшему в России, нужен переводчик? Бронзовые орлы работы Николая Лукича установлены в Крыму в трех местах – на вершине скалы напротив Ласточкиного гнезда, у водопада Учан-Су и при въезде в Ялту.

Обратный путь в Москву Бурлюки проделали на машине – Маруся уговорила Надежду и через нее руководство Союза писателей. Ехали по маршруту Алушта – Симферополь – Москва, по пути заехали в Маячку, ту самую знаменитую Чернянку, где большая семья Бурлюков провела шесть счастливых лет.

26 июня Бурлюки покинули Советский Союз и на теплоходе «Кунсхолм» из Гетеборга отплыли в Нью-Йорк. За время пребывания в СССР Давид Давидович помимо большого числа крымских и подмосковных пейзажей написал портреты Лили Брик, Майи Плисецкой и два портрета Николая Черкасова.

Давид и Маруся были в СССР еще раз – в 1965 году, и тоже по приглашению Союза писателей. Дневниковых записей об этой поездке не осталось. Возможно, причиной тому был возраст – Давиду Давидовичу было уже 83. Известно только, что в этот приезд Бурлюк пытался обменять свои старые работы, хранящиеся в советских музеях, на новые, но ему фактически отказали, предложив взамен принять советское гражданство.

Заезжали ли Бурлюки в Одессу во время своих визитов в СССР, – до сих пор остается загадкой. Скорее всего, нет – в их дневниках нет об этом никаких упоминаний, и попасть в наш город они могли лишь на обратном пути из Крыма, на автомобиле. То, что об этом нигде не упоминается, – нормально, так как такое отклонение от курса не могло быть одобрено властями, плотно курировавшими все перемещения Бурлюков.

21 октября 1969 года живший в Тамбове Николай Алексеевич Никифоров, известный исследователь творчества Бурлюка, ответил Евгению Михайловичу Голубовскому на письмо с вопросами о пребывании Давида Давидовича в Одессе во время его визитов в СССР, состоявшихся в 1956 и 1965 годах. Вот что пишет Никифоров:

«Давид Давидович мне рассказывал, что он бывал в Одессе... Я в 1969 году помог сотруднику обл. музея Одессы (речь идет об Историко-краеведческом музее) установить переписку с Д. Д., но он почему-то прислал мне письмо в просьбой, чтобы я написал

Давид и Людмила в 1962 году в Праге

Д. Д. – не писать ему (?). Вот фамилию его не помню – а Бурлюк написал в музей: когда он был и с кем в Одессе!»

Так что вопрос пока остается открытым. Одно известно наверняка – попасть в Одессу Давид Бурлюк очень хотел. Вот что он пишет в письме Н.А. Никифорову (12.06.1959): «Америк. газеты полны объявлениями о турах в СССР. <...> За 1000 дол. (2000 для двоих) можно в октябре 30 дней пароходом, с заходом в Португалию, Испанию, Африку (Сев.), Италию, Египет, Израиль, Грецию, Турцию, попасть в Ялту, Одессу (!). <...> Пожалуй, в 1960 г. побываем на Родине».

Работы Бурлюков в одесских музеях

К сожалению, в Одесском художественном музее ни одной работы Бурлюков не сохранилось. В Ильичевске, в Музее изобразительных искусств имени А. Белого, хранится отличная работа Давида Бурлюка «Весна. Сирень», датированная 1907 годом. Эта

работа находилась ранее в коллекции самого Александра Моисеевича. И сегодня в частных коллекциях одесситов есть немало работ Бурлюка. К сожалению, широкая публика познакомиться с ними не может – возможно, уместной стала бы выставка его работ из частных коллекций, организованная одним из одесских музеев.

Давида Бурлюка не случайно называли «отцом русского футуризма». Именно его талант, энергия, страстная любовь к искусству стали той движущей силой, которая позволила новому русскому искусству пробиться и выйти в авангард художественной жизни не только России, но и Европы. Новое увлекало его, служению искусству он посвятил всю свою жизнь.

«Вот три Бурлюка... – пишет Давид Давидович в воспоминаниях. – Что связывает их в один общий тип? Упрямство, характер, стремление овладеть раз намеченным. Во всю свою жизнь в себе я чуял эти же черты... Но было упрямство мое направлено к преодолению старого изжитого вкуса и к проповеди, к введению в жизнь нового искусства, дикой красоты».

